

УДК 1 (091)

ЗАГРАНИЧНЫЕ ПОЕЗДКИ П.Н. МИЛЮКОВА: ОТ УЧЕНИЧЕСТВА – К НАУЧНОМУ ДИАЛОГУ (СТАТЬЯ ПЕРВАЯ)

Е.Е. Михайлова

ФГБОУ ВО «Тверской государственной технический университет», г. Тверь

DOI: 10.26456/vtphilos/2021.4.167

Заграничные поездки русского историка-позитивиста и общественного деятеля рубежа XIX–XX вв. П.Н. Милюкова рассмотрены как способ самопознания, накопления информации и обретения умений вести научный диалог. Мотивация заграничных поездок русского ученого представлена во временной динамике: от ученичества и первых впечатлений – через понимание важности диалога разнородных культур – к практическим шагам научного сотрудничества. Период с 1881 г. по 1899 г. можно с большим основанием назвать временем «ученичества» Милюкова.

Ключевые слова: П.Н. Милюков, культура, история, научный диалог, заграничные поездки.

Тема статьи актуальна тем, что в реалиях современного мира возникает острая потребность в правильном межкультурном общении. Слово «правильное» означает, что обмен опытом, научными идеями и философскими взглядами осуществляется по принципу: *равные* условия для *разных* культур. Современный философ Б. Ботева-Рихтер (Австрия) актуализирует важность интеркультурного взаимодействия. Для нее культуры – это не замкнутые сферы, а, наоборот, динамичные, пересекающиеся «пористые структуры, пронизываемые снаружи и внутри». В таком контексте заграничные поездки ученых и философов можно рассматривать как «встречу различных культурно обусловленных актов мышления в динамике вопросов-расспросов» [1, с. 15, 16].

Цель статьи – рассмотреть, какие факторы формируют и корректируют планы и интересы русского ученого в его заграничных поездках. В качестве конкретной иллюстрации использованы «Воспоминания» (написаны в 1942 г., впервые изданы в 1955 г.) московского историка, представителя позитивной философии истории, политического деятеля Павла Николаевича Милюкова (1859–1943). На его примере интересно проследить, каким образом осуществляется путь становления ученого от первого удивления и ученичества на начальном этапе – до статуса диалогизирующего субъекта, научного и общественного деятеля в финале.

Материал состоит из двух частей: Ч. 1. Ученичество и научная рефлексия; Ч. 2. Научный диалог и сотрудничество

Ученичество и научная рефлексия

В России конца XIX – начала XX вв. практиковались средне-срочные поездки российских ученых на Запад. Как правило, это были командировки штатных преподавателей университетов в самом начале их карьеры. Так было с Т.И. Грановским, который посещал основные занятия в Берлинском университете. Н.М. Карамзин в своих «Письмах русского путешественника» высоко оценивает преподавание в немецких университетах: «Нигде способы учения не доведены до такого совершенства, как ныне в Германии; кого Платнер, кого Гейне не заставит полюбить науки, тот, конечно, не имеет уже в себе никакой способности» [3, с. 213]. П.Н. Кудрявцев, М.М. Стасюлевич, В.И. Герье, Н.И. Кареев – можно довольно долго перечислять имена тех, кто воспользовался правом продолжить обучение в Европе. Например, магистранту Московского университета В.И. Герье вменялась двоякая цель заграничной поездки: первая – составить курс собственных лекций; вторая – изучить практику преподавания в европейских учебных заведениях. Из своих заграничных наблюдений Герье вынес следующее суждение: преподаватель должен быть не только хорошим лектором, но иметь «свой собственный взгляд», опираться на «результаты своих трудов», ссылаться на мнение других ученых, а также привносить в свои лекции «увлеченность наукой» [5, с. 222].

В случае с Милюковым все сложилось по-другому. Впервые он оказался за границей в 22 года, на каникулах во время учебы в Московском университете. По его замыслам, именно Италия должна была стать страной, способной дать старт «встречам» с западноевропейской культурой. В итоге, летом 1881 г. Милюков спланировал и осуществил свою первую заграничную поездку, посетив за два месяца десяток городов. В этот список последовательно вошли Варшава, Вена, Венеция, Падуя, Болонья, Пиза, Флоренция, Сиена, Ассизи, Рим и Неаполь.

Милюков был полиглотом, в течение жизни овладел восемнадцатью иностранными языками. Говорить по-итальянски он учился, по его словам, «у нашего милого университетского лектора Мальма». Учителя и ученика неожиданно объединил интерес к музыке. Узнав, что Милюков играет в струнном квартете, Мальма подарил ему «хороший альт Клотца» [7, с. 84]. Добавим, что свое увлечение – играть на скрипке в квартете, Милюков пронес через всю жизнь, вплоть до последних лет, будучи эмигрантом в Париже.

Пребывая в уверенности, что хорошо знает итальянский язык, Милюков сознательно составил столь плотное по замыслам путешествие. Безудержная смелость молодого человека в конечном итоге была вознаграждена, поездка оказалась успешной с точки зрения ученичества, самопознания и обретения энергии, полной эстетических переживаний. Однако не обошлось и без ситуаций, которые трудно заранее просчитать. Например, ему пришлось дважды испытать дискурсивные

трудности. По признанию Милюкова, он владел классическим итальянским, который метко именовался как «тосканский язык в римских устах». На деле ему пришлось столкнуться с местными наречиями и диалектами. Вот случай в Венеции: «Носильщик понимал мой итальянский язык, но я из его ответов и вопросов не понял ни слова», – пишет Милюков [7, с. 85]. А это уже Неаполь: «После месячного пребывания в Риме я уже считал, что свободно владею итальянским языком. Приехав в Неаполь, я опять увидел, что здешнего народного языка я совершенно не понимаю» [7, с. 90].

Описание атмосферы путешествия было бы неполным, если не отметить, какой иступленный настрой ученичества испытывал студент Милюков, в каком состоянии жажды знания он пребывал. Он четко распланировал на месяц свое пребывание в Риме. Рано вставал, каждый день приходил к открытию намеченного «на сегодня» музея, обедал в ближайшей трактирии в час дня, затем снова шел в музей, тщательно переходя от одной картины к другой, пересаживаясь с одного стула на другой, и уходил со звонком, оповещающем о закрытии. В целях экономии средств Милюков снял комнату за 40 лир на месяц в северной части Рима. Несмотря на окружающие его красоты, выбор оказался неудачным, приходилось много ходить на солнцепеке, т. к. все интересующие его объекты (христианские катакомбы, базилики, гробницы) располагались в южной половине города. Историк вспоминает два казуса, случившиеся с ним в силу таких жестких рамок, в какие сам себя загнал. Один – забавный, по его оценке, другой – печальный. Первый случай произошел в Капитолийском музее, когда он, увлеченный просмотром барельефных изображений эпизодов Троянской войны, пропустил финальный звонок и был закрыт сторожами. Другой случай произошел, когда он долго блуждал по аллее гробниц и вилл вдоль Аппиевой дороги и чуть не схватил солнечный удар, пролежав в полусознательном состоянии в тени придорожного дерева до самого вечера [7, с. 86].

«Путешествие по Италии» – так назвал Милюков главу в своих воспоминаниях – имело определенную цель: учиться, а не только восхищаться. Выбор страны не был случайным. Лекции университетского профессора Ф.И. Буслаева по истории литературы и искусства побудили особый интерес у Милюкова к греко-римской скульптуре и живописи раннего Возрождения. Будущий историк озадачился тем, чтобы именно в живых реалиях, т. е. в ситуации непосредственного восприятия фресок, картин, скульптур, архитектурных созданий и т. д., проследить линию перехода византийского примитивизма к итальянскому искусству. Вот как он сам, например, описывает свои впечатления от фресок Джотто в Падуе: «Обязательный византийский рисунок здесь впервые зажил жизнью живого чувства. Это было для меня настоящее пиршество. От квадрата к квадрату я переходил, слыхал описание с фреской и выслеживал штрихи новизны в рамках строгой традиции. Джотто – но это

уже ранняя Флоренция. Джотто – современник Данте. Но подождем. Надо не умиляться, а учиться!» [7, с. 86].

Гидами для Милюкова служили заранее подготовленные книги. Он ценил работу швейцарского историка культуры Я. Буркхардта «Культура Италии в эпоху Возрождения» (1860) и французского философа, теоретика искусства и литературы И. Тэна «Путешествие по Италии» (1866). Именно эти книги и взял с собой в дорогу молодой путешественник. Также Милюков пишет, что большую услугу ему оказал «только что вышедший томик Гастона Буассье «Promenades archéologiques: Rome et Pompéi» [7, с. 83]. Однако здесь, похоже, закралась ошибка: указанная работа была издана позднее, в 1898 г., а Милюков путешествовал в 1881 г. Скорее всего историк запамätовал, т.к. писал свои мемуары в 1942 г., в преклонном возрасте и по памяти. Это происходило в условиях вынужденного изгнания, в маленьком городке Экс-ле-Бен, далеко от Парижа и, следовательно, далеко от своей библиотеки, материалов прессы и архивных документов [2, с. 3, 18].

В качестве завершения обзора о первой заграничной поездке Милюкова отметим, что несмотря на бахвальство и впечатления претензионного туриста, в конце путешествия у молодого человека явно накопилась усталость и «ощущение одиночества». В добавок к этим переживаниям проявилась нехватка средств, в силу чего был выбран кратчайший путь возвращения домой, без остановок и желаний получить новые впечатления [7, с. 91].

Следующая заграничная поездка Милюкова состоялась только через 12 лет, в 1893 г. При кафедре после окончания университета его не оставили, но предоставили возможность работать приват-доцентом, т. е. нештатным преподавателем. В связи с этим заграничная поездка за казенный счет для сбора материала для диссертации ему не полагалась. Прошло много лет, полных разного рода событий (работа в гимназии, магистерский экзамен, женитьба, рождение сына), пока Милюков не написал магистерскую диссертацию «Государственное хозяйство России первой четверти XVIII в. и реформа Петра Великого», за которую получил премию С.М. Соловьева. Этих средств как раз хватило на вторую поездку за границу.

В отличие от первой заграничной поездки, динамичной, полной безудержной жажды знания, вторая предполагала исключительно семейный отдых. Поэтому проникнуть в атмосферу французской жизни, вспоминает Милюков, не было возможности: сам отдых – в уединенном месте, а Париж – проездом. Однако, несмотря на указанные обстоятельства, даже в этот короткий период произошло несколько важных встреч, укрепивших исследовательское мышление Милюкова. Ранее он познакомился и впоследствии сотрудничал с французскими профессорами-русистами Ж. Легра и П. Буайе, повышавшими свою квалификацию в Москве. Буайе в 1891 г. открыл кафедру русского языка в Националь-

ном институте ориентации и цивилизации Парижа. В Москве он был вхож в семейный круг Милюковых, ценил участие, которое оказывали жена историка Анна Сергеевна и тесть Сергей Константинович (ректор Троицко-Сергиевской академии). Поэтому так сложилось, что летом 1893 г. Милюков и Буайе провели совместный отдых с семьями на бретонском берегу Франции. В последствии у них завязалась дружба на долгие годы. Буайе принимал активное участие в обсуждении общественно-политических событий России, в частности манифеста 17 октября 1905 г., даже имел личные беседы с председателем совета министров С.Ю. Витте. Милюков в своих воспоминаниях называет его «мой старый приятель Поль Буайе» [7, с. 220].

После отдыха во Франции Милюков оказался проездом в Париже, заранее испросив встречи с П.Л. Лавровым. Русский философ и публицист принял своего земляка у себя на квартире. Милюков с долей удивления отмечал, что, несмотря на то, что это был русский революционер в эмиграции, тональность разговора оказалась такой, что речь шла «не о политике, а о науке» [7, с. 111]. Милюков предположил, это было связано с тем, что голова Лаврова была занята подготовкой издания «Материалы для истории русского социально-революционного движения» (опубликованы уже после его смерти в 1905 г.). Другим объяснением такой дискурсивной осторожности с незнакомым человеком было опасение доносов и слежки. И это вполне возможная версия, в литературе есть много свидетельств о том, как царская сыскная полиция опутывала сетью агентов своих именитых эмигрантов.

Интересно, что Н.И. Кареев в свою первую встречу с П.Л. Лавровым (в последствии они часто встречались), состоявшуюся тремя годами ранее описываемых событий, т. е. в 1878 г., говорил о том же. Он вспоминал, что первоначально их разговор шел исключительно о науке и никак не о политике и тем более не о русском нигилизме [4, с. 152]. Кстати, если речь зашла о русском нигилизме, то в этом ключе следует пересказать весьма любопытную встречу, произошедшую с Милюковым в его первую поездку по Италии. Однажды наш путешественник решил осуществить восхождение на гору Monte Savo. Согласно легенде, эта гора выполняла когда-то компенсаторные функции: на нее совершали триумфальное восхождение те генералы, которых сенат обошел реальными почестями. На вершине горы стоял небольшой монастырь. Измученного долгим восхождением путника пустили ночевать. После трапезы, вспоминает Милюков, монах пригласил посидеть на лавочке и спросил, в духе Гомера, из каких я стран. «Я ответил: un russo. Монах отпрянул: nihilista? Я его успокоил, и мы начали мирную беседу...», – пишет Милюков [7, с. 89]. Остается только удивляться, в какие отдаленные чертоги Европы проникало это тревожащее слово «нигилист».

Если первую заграничную поездку (Италия) Милюков спланировал сам, вторую поездку (Франция) осуществил вместе со своей семьей и с семьей Буайе, то, как это ни удивительно звучит, третью заграничную поездку (Болгария) устроило ему царское правительство. За прочтение лекций «преступного содержания» Милюков отбывал административную ссылку в Рязани в течение двух лет. По окончании срока весной 1897 г. (и, разумеется, благодаря многим ходатайствам со стороны семьи) в качестве дальнейшего наказания Милюкову назначили высылку за границу. Для оппозиционного лектора это оказалось весьма удобным обстоятельством. Ранее его приглашали читать лекции в Софийском высшем училище, и теперь он дал согласие. Поскольку лекции должны были начаться осенью 1897 г., Милюков позволил себе целый ряд поездок по Европе. Вена (обзорно), Париж (библиотеки), Швейцария (встреча с семьей на отдыхе) – таков круг перемещений Милюкова за полгода.

В Париже Милюков поставил перед собой задачу накопить знания и подобрать материалы по курсу всеобщей истории, который, как предполагалось, он должен был бы читать по возвращении в Москву. Это был период летних вакаций [устаревшее название слова «отпуск» – *Е.М.*], поэтому Жюль Легра позволил русскому коллеге пожить в его пустующей квартире. Милюков признается, что в это время «не искал знакомств ни в русском, ни во французском Париже», а ушел с головой в чтение и работу с архивами. Несмотря на эти слова, Милюков все же нанес один визит Луи Леже, который предоставил русскому историку часть необходимых книг и посоветовал, как лучше выстроить курс лекций по всеобщей истории. Здесь напрашивается любопытное сравнение заграничных встреч Милюкова и Кареева. Как и в случае с Лавровым, встреча с Леже не имела для Милюкова никакого продолжения. «Прием был очень любезный, но не поощрял к продолжению знакомства», – вспоминает он свой визит к «патриарху французского славяноведения» [7, с. 124]. Для Кареева, наоборот, обе встречи сразу же положили начало научному диалогу. Кареев вспоминает, что Леже преподавал русский язык в Высшей лингвистической школе и несколько раз приглашал его на лекции для того, чтобы учащиеся могли пообщаться с носителем языка [4, с. 149].

Осенью 1897 г. Милюков приступил к работе в Софийском высшем училище (ныне университет). Отношения с коллегами выстраивались по-разному. С одними профессорами сложились довольно прохладные отношения. Многие проявляли недовольство в связи с тем, что «иностранный знаменитость» не говорит по-болгарски и читает лекции на русском языке, непонятном для большей части студентов. Напротив, с другими профессорами, как правило, тесно связанными с Россией, установились дружеские отношения. Милюков с теплотой вспоминает профессора Ивана Димитрова Шишманова, который преподавал курс

всеобщей литературной и культурной истории и был знатоком русской и украинской литературы. В его семейном кругу Милюков познакомился с рядом интересных персон. Среди них: болгарский политик Петко Каравелов, который ранее учился в Московском университете и был дружен с И.С. Аксаковым; основоположник болгарской философии, преподаватель философии и этики Иван Георгов; лингвист, этнограф и историк Любомир Милетич; преподаватель всеобщей истории, будущий ректор Софийского университета Димитр Агура и др. Большинство этих людей приехали в Софию после освобождения ее от Османской империи и принимали активное участие в объединении Болгарии. Дружба с либеральными профессорами не осталась незамеченной со стороны русского посольства. Через полгода, воспользовавшись подходящим поводом (не присутствовал в посольстве в день рождения Николая II), представитель России в Болгарии дипломат Г.П. Бахметев добился отставки Милюкова.

Горечь отставки скрашивалась тем, что по контракту Милюкову полагалась выплата годового содержания. Полученные средства были пущены им на организацию поездки по Болгарии и Македонии. Готовясь к путешествию, историк преуспел в изучении болгарского, турецкого и греческого языков. В своих воспоминаниях он признается, что в путешествии знание языков, «при всем несовершенстве достигнутых результатов», принесло большую пользу [7, с. 127]. Поездка по Македонии, изначально спланированная как «информационный обезд» [7, с. 128], превратилась в настоящую археологическую и этнографическую экспедицию. Милюков присоединился к группе Федора Ивановича Успенского, известного византиста, который возглавлял в ту пору Русский археологический институт в Константинополе. В условиях сложных и запутанных политических перипетий между болгарами, сербами, греками и турками, все же был собран огромный материал доисторических погребений. Половину находок Милюков передал, согласно договору, музею в Константинополе, а вторую часть материала отправил в Москву. За профессиональной помощью в разработке своих находок Милюков обратился к известному австрийскому археологу Иозефу Шомбати. Впоследствии Милюков совершит еще несколько археологических поездок по Македонии и по-прежнему в трудных ситуациях будет обращаться за консультацией к своему «учителю» [7, с. 133].

Первая поездка по Македонии принесла Милюкову еще одну важную встречу. В Салониках он познакомился с Лео Винером, лингвистом, преподавателем славянских языков и литературы в Гарвардском университете. В ту пору Винер занимался исследованием еврейской филологии и литературы. Собственно, именно эти интересы и привели его в Салоники, в общину испанских евреев, сохранивших бытовой язык ладино, свои обычаи, костюмы и народные песни XV–XVI вв. Впоследствии знакомство двух земляков [Винер родился в российском, ныне

польском, городе Белостоке – *Е.М.*] перерастет в научное сотрудничество.

В качестве завершения первой статьи хочется отметить, что период с 1881 г. по 1899 г. можно с большим основанием назвать временем ученичества Милюкова. В течение этих двух десятилетий шло становление Милюкова как ученого-исследователя [политическое «ученичество» осознанно оставлено в стороне – *Е.М.*]. Заграничные поездки дали ему возможность почерпнуть знания в области истории, этнографии, географии, лингвистики, литературы и искусства. Цель ученичества была обширной: в Италии (1881) – удовлетворить интерес в области литературы и искусства; в Париже (1897) – собрать материал для курса лекций по всеобщей истории; в Софии (1897) – изучить болгарский, турецкий и другие языки, а также погрузится в проблематику славистики; в поездке по Македонии (1898) – расширить знания в области истории, археологии и географии. Складывается впечатление, что все задачи, поставленные перед собой, Милюков выполнил с упорством, достойным подражания.

Круг заграничных знакомств Милюкова получился довольно обширным. По форме все встречи можно разделить на три группы: разовые, не получившие дальнейшего продолжения (П.Л. Лавров, Л. Леже); поворотные, давшие Милюкову явный прирост знаний в какой-либо новой для него области (Ф.И. Успенский) или ставшие залогом будущего научного диалога (Л. Винер, И. Шомбати); наконец, дружеские отношения (П. Каравелов, И. Шишманов).

Любопытно, что в первых заграничных поездках Милюкову была не свойственна грусть по отчизне. По крайней мере, это никак не рефлексировалось самим автором в тексте воспоминаний. В крайнем случае, он говорит об усталости или ощущении одиночества. Между тем, ностальгия по родным местам фиксируется многими русскими путешественниками. Например, Н.М. Карамзин заканчивает свои «Письма русского путешественника» весьма эмоционально: «Берег! Отечество! Благословляю вас! Я в России и через несколько дней буду с вами, друзья мои! ... Всех останавливаю, спрашиваю, единственно для того, чтобы говорить по-русски и слышать русских людей» [3, с. 505]. Историк Н.И. Кареев испытывал информационную тоску по родине, поэтому часто заходил в Париже в «русскую читальню» и просматривал свежие газеты и журналы [4, с. 147]. Историк В.И. Ламанский к концу своего трехлетнего пребывания за границей проникся сильными патриотическими ощущениями, которые выразил словами: «...науки не брошу, родины не разлюблю» [6, с. 49].

Список литературы

1. Ботева-Рихтер Б. «Интер-» как метафора мышления – метод Т. Вацудзи и его применимость в современном интеркультурном дискурсе // Философ-

- ский полилог: Межд. центр изучения русской философии / под ред. А.В. Малинова, В.В. Козловского. 2020. № 2 (8). С. 11–27.
2. Думова Н.Г. Предисловие к настоящему изданию // П.Н. Милуков. Воспоминания. М.: Политиздат, 1991. С. 3–20.
  3. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника / вступ. ст. Г.П. Макогоненко; прим. М.В. Иванова. М.: Правда, 1988. 544 с.
  4. Кареев Н.И. Прожитое и пережитое / подг. текста, вступ. ст. и коммент. В.П. Золотарева. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. 382 с.
  5. Корева Н.С. Научные командировки и их роль в становлении всеобщей истории как науки в России (30–60 гг. XIX в.) // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. 2008. Т. 150, кн. 1. С. 219–224.
  6. Куприянов В.А., Малинов А.В. Академик В.И. Ламанский. Материалы к биографии и научной деятельности. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2020. 560 с.
  7. Милуков П.Н. Воспоминания. М.: Политиздат, 1991. 528 с.

P.N. MILYUKOV'S FOREIGN TRIPS: FROM APPRENTICESHIP TO SCIENTIFIC DIALOGUE

E.E. Mikhailova

Tver State Technical University, Tver

The foreign trips of the Russian positivist historian and public figure at the turn of the XIX–XX centuries P.N. Milyukov are considered as a way of self-knowledge, accumulation of information and acquisition of skills of conducting scientific dialogue. The motivation of the Russian scholar's foreign trips is presented in time dynamics: from apprenticeship and first impressions – through understanding the importance of dialogue between different cultures – to practical steps in scientific cooperation. The period from 1881 to 1899 can be called with great reason the time of Milyukov's «apprenticeship».

Keywords: *P.N. Milyukov, culture, history, scientific dialogue, foreign trips.*

Об авторе:

МИХАЙЛОВА Елена Евгеньевна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверского государственного технического университета», Тверь. E-mail: mihaylova_helen@mail.ru

Author information:

MIKHAILOVA Elena Evgenyevna – PhD, Prof., Department of Psychology and Philosophy, Tver State Technical University, Tver. E-mail: mihaylova_helen@mail.ru